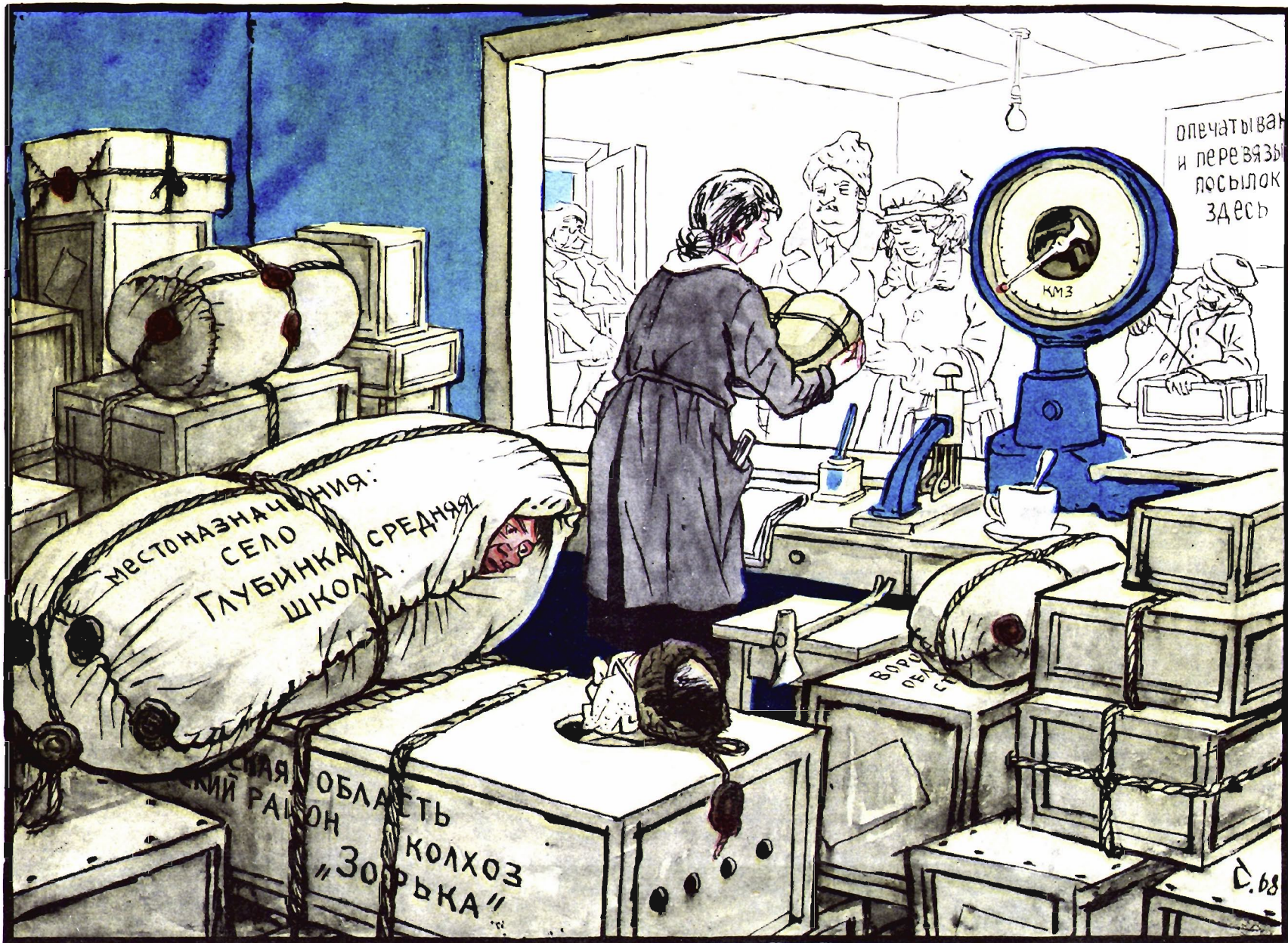

Серенький козлик:—Братцы волки, взяли-то на троих, а чем будем закусывать?

— Тоже учитель?
— Нет, я зоотехник.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

На иронической волне

Александр ГАЛКИН

ПЕРЕДАЧА ОПЫТА

Рассказ
колхозного пчеловода

Прогремел наш «Светлый брод»
Медосбором небывалым —
И за опытом народ
Повалил к нам
Мощным валом!
Отовсюду едет люд —
Изучает метод новый,
Хвалят
Творческий наш труд
И особо —
Вкус медовый!..
Побывали сразу тут
Пчелобаза,
Институт,
И пожарный
Был инспектор,
И базарный
Был директор.
Приезжали «Заготшерсть»,
Представитель Рыбнадзора,
Репортеров было шесть,
Режиссер,
Два реvizора...

Лишь успел
Медку поесть
И умчал кооператор —
Слышу радостную весть:
Едет кинооператор!..
Был тут автор оперетт,
Секретарь журнала «Моды»,
А восторженный поэт
Подарил нам
«Оду меду»!..
Но поставлю точку здесь
В настроении невеселом:
Передали опыт весь,
Не осталось...
Даже пчелам!

Перевел с чувашского
Иван ЗАКОНОВ.

Бабкен КАРАПЕТЯН

ТУРИСТ

Турист в чужих морях поплавал,
Увидел жизнь иных народов
И стал писать...
Не ради славы,
А для покрытия расходов!

ПОДХАЛИМ

Познакомьтесь! Это Медолей,
Подхалим со сладкими губами:
— Новый год? Пожалуйте! Скорей!
Новый год? Мы ждали вас годами!..
Новый год и молод и красив.
Старый год был стар и безобразен.
Старый — нуль. Списать его в архив!
(Хоть и был таким же медом мазан.)

БАСНЯ ПРО...

Я басню посвятил
прожорливому Волку —
За это мне намяли холку.
Тогда я написал про хитрую Лисицу —
Мне говорят:
— Нет, братец, не годится:
Опять пойдут сравнения с людьми,
Уж больно метод твой
рискован и опасен!
— Так что же делать, черт возьми?!
Про ангелов не пишут басен!

Перевели с армянского А. Внуков,
Г. Жирмунская, Арго.

Из юмора «Перца»

И. ГУРКОВСКИЙ

НА СВОЮ ГОЛОВУ

Сначала Коза облупила Лозу,
А после Лоза отлупила Козу.

К. МИХЕЕВ

ПРОСТИ!

Ушла супруга из села,
Но вновь вернулась к Николаю:
— Прости!
— Прощаю, что ушла,
А что вернулась — не прощай!

М. БУРДА

НЕСКРОМНОСТЬ

Раскричалась в цирке на Слона
Муха возмущенная одна:
— Ты что — ослеп?!
Чтоб гром тебя убил!
Мне на ногу едва не наступил!

Перевел с украинского
С. Швецов.

В нашем учреждении работают преимущественно серьезные, взрослые люди. Мы делаем в основном необходимое, полезное дело, о чем-то отвечаем или по крайней мере пытаемся переложить ответственность на других. Короче говоря, мы заняты серьезными, взрослыми делами, и дел этих с избытком хватает на полный рабочий день.

Но время от времени весь наш коллектив вдруг начинает играть в популярную среди детей дошкольного возраста игру, которой все мы забывались давным-давно. Игра называется «какбудка». Помните? Это как будто не скамейка, а магазин. А я как будто продавец. А ты как будто покупатель. А это не камешки, а как будто конфеты. И я их тебе как будто продаю, и ты их как будто ешь, и они как будто вкусные. Невзаправду. Как будто. Понарошку.

Обычно эта незамысловатая игра в нашем учреждении начинается с того, что на самом видном месте в коридоре появляется объявление: «Сегодня после работы состоится общее собрание. Явка обязательна».

И с этого момента правила игры вступают в действие. Одни сотрудники тотчас заявляют, что они себя как будто плохо чувствуют и спешат в поликлинику. Другие говорят, будто бы у них дома все заболели вирусным гриппом и они торопятся в аптеку. Третьи ничего не говорят и, притворяясь, будто бы идут на собрание, стараются незаметно прошмыгнуть в гардероб.

Но председатель месткома Зинаида Васильевна Маломальская клятвенно заверяет, будто бы собрание продлится всего минут тридцать пять — тридцать шесть, и мы, будто бы в это поверив, рассаживаемся по местам.

— Для ведения собрания нужно выбрать председателя и секретаря. Какие будут предложения? — спрашивает Маломальская.

Спрашивает, как будто заранее не известно, что председателем, как всегда, будет Иван Семенович Шумский, а протокол опять придется вести Ниночке Горемыкиной.

Ниночка пробует отказаться, как будто не знает, что ей ничто не поможет, и говорит, что она медленно пишет... Но все дружно кричат: «Нечего! Нечего! Ничего!» — и Горемыкина сдаётся.

Слово для доклада предоставляет Маломальской. Зинаида Васильевна начинает говорить. Строго соблюдая правила игры, она говорит так,

как будто еще ни разу не говорила о том же самом и теми же самыми словами... Говорит так, как будто мы сами не знаем, что наряду с достигнутыми успехами в нашей работе имеются отдельные недостатки; как будто нам неизвестно, что надо выполнять взятые на себя обязательства; как будто мы только сейчас узнали, что следует своевременно платить членские взносы и возвращать ссуды, взятые в кассе взаимопомощи. В общем, Маломальская говорит так, как будто мы ее внимательно слушаем, и говорит ровно сорок минут.

Потом начинаются прения. Вернее, не начинаются, потому что выступать никто не хочет.

Владлен БАХНОВ

КАК БУДТО...

— Товарищи! Давайте поактивней! — призывает председательствующий. — Мы же сами себя задерживаем! Что же мы, так до утра молчать будем?

И тогда у меня не выдерживают нервы, и я иду выступать. Моему примеру следуют еще двое слабо-нервных. И, помня о правилах игры, мы выступаем так, как будто нам действительно есть что сказать. Говорим мы вместе полчаса. Наш почин подхватывают еще три оратора, и собрание, делая вид, будто первый вопрос уже решен, переходит ко второму.

Второй вопрос о стенгазете. Маломальская сообщает нам, как будто мы этого сами не знаем, что наша стенгазета «За отличную работу» выходит всего два раза в год — к майским и ноябрьским праздникам, — и это никуда не годится. Стенгазета должна выходить по меньшей мере два раза в месяц.

— И хорошо бы наладить вечерний выпуск! — выкрикивает с места плановик Марк Твенский.

— Неостроумно! — тут же парирует Маломальская.

— Товарищи! Мы обсуждаем серьезный вопрос, — поддерживает ее председательствующий. — Шутить будем потом. А сейчас слово редактору стенгазеты Трубецкому.

— Здравствуйте! — обижается Трубецкой. — Почему это я редактор? Меня еще в прошлом году переизбрали.

— Да, да, — подтверждает Ниночка Горемыкина. — Я, помню, об этом записывала в протоколе.

— А кто же редактор?

Все молчат.

— Товарищи, не могла же у нас Первомайская газета выйти без редактора! Это же мистика! Кто-то же газету выпустил!

После долгих выяснений оказывается, что редактор действительно был. Степан Степанович Тверской-Ямской. Но, выпустив последнюю майскую стенгазету, он с чистой совестью и легкой душой ушел на пенсию. А

Рассказ

остальная редколлегия отчасти находится в командировке, отчасти в декретном отпуске.

— Но так же нельзя! — ужасается Маломальская. И мы тут же выбираем новую редколлегию.

По давно установившейся традиции редколлегия в основном комплектуется из не явившихся на собрание, и поэтому дело обходится без самоотводов.

Далее мы единогласно выносим решение, обязывающее редколлегию выпускать газету еженедельно (как будто не знаем, что газета по-прежнему будет выходить два раза в год), и приступаем к третьему вопросу.

Обсуждается недостойное поведение младшего экономиста Привозного, умудрившегося за один месяц дважды побывать в вытрезвителе.

— Товарищ Привозной! — говорит Маломальская. — Объясните собранию свое поведение.

Привозной — полный, рыхлый человек лет тридцати пяти — встает и, улыбаясь так, будто ему сейчас будут вручать грамоту, басит:

— А что объяснять? По-моему, все и так в этом вопросе хорошо разбираются.

— Не вижу ничего смешного, — строго прерывает его председатель, стуча карандашом по графину. — Вы,

Привозной, понимаете, что своим поведением позорите весь наш коллектив?

Привозной делает вид, будто понимает. Он сразу перестает улыбаться, разводит руками и тяжело вздыхает.

Затем снова начинаются прения. Выступают в основном женщины. Но есть и мужчины: один закоренелый трезвенник, один хронический язвенник и два закадычных приятеля Привозного. Последние стараются больше всех. Они так искренне, так гневно бичуют любителя небезалкогольных напитков, как будто сами не пили с ним в недавнем прошлом. Как будто снова не станут чокаяться в ближайшем будущем.

И Привозной на приятелей не обижается. Он понимает, что они должны были выступить и что это не правда, а как будто. Обижается он только на трезвенника. Во-первых, никто его за язык не тянул, мог бы и промолчать. А во-вторых, Привозной твердо убежден, что трезвенник не имеет морального права осуждать его. Не имеет хотя бы потому, что сам не пьет и пить не пробовал. А если бы он, трезвенник, пил, то наверняка стал бы алкоголиком. И, следовательно, его, трезвенника, от вытрезвителя спасает только то, что он не пьет...

И пока Привозной мысленно возводил свои сложные логические построения, все желающие выговорились, и обсуждение персонального дела стремительно пошло к финишу.

— Я предлагаю вынести товарищу Привозному выговор, — говорит председатель. — И надеюсь, сегодняшняя нелюбезная критика послужит ему хорошим уроком.

Младший экономист старательно всем своим видом показывает, будто послужит.

— Я также надеюсь, что у товарища Привозного хватит силы воли взять себя в руки. Ведь не зря весь наш коллектив, — с пафосом восклицает Маломальская, — верит, что Привозной навсегда покончит со своей слабостью!

И мы дружно делаем вид, будто действительно верим.

— Ну вот, товарищи, как будто бы все! — говорит председатель, и мы торопливо бросаемся к выходу. Не как будто торопливо, а серьезно, взаправду.

Мы расходимся так, как будто только такими и должны быть наши собрания. Как будто не бывает подругому. По-настоящему. Без всяких как будто.

— Только учтите, профессор, у меня всего две минуты чистого времени.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

НЕ ЗАВЕСТИ ЛИ ЭВМ?

Этот вопрос я задал моей жене за чашкой вечернего чая, когда так хорошо беседуется на домашние темы.

В самом деле, ровный шумок электрического самовара, мягкое воркование телевизора, веселое попискивание радио в дальнем углу столовой — все это стало уже обыденным. Деловитое пощелкивание электронно-вычислительной машины, думалось мне, очень хорошо «впишется» в эту симфонию семейного уюта.

— Конечно! — обрадовалась жена. — Тем более, будет на чем подсчитывать доходы-расходы. К примеру, пришла я с рынка, сунула авоську с овощами в ЭВМ — и тут же готова итоговая сумма затрат... Доставай, не раздумывая!

А что? Вот возьму и напишу в какое-нибудь министерство: так, мол, и так, учитывая живейший интерес моих домочадцев к современной вычислительной технике, прошу выслать мне электронную машину наложенным платежом. Нет, пожалуй, наложенным — это дороговато станет. Попрошу, чтобы передали с баланса на баланс что-нибудь из электронных излишков — пусть числится за мной, а там видно будет.

Думаете, не пойдут мне навстречу? Еще как пойдут! И вот почему я в этом уверен.

Встретился я как-то года три назад с одним знакомым студентом, он мне и говорит:

— Наконец-то и наш Сухумский педагогический институт приобщился к прогрессу. Будет у нас на физико-математическом факультете своя электронно-счетная машина «Урал-1». Не какой-нибудь там допотопный арифмометр, а кибернетическое устройство! Учись только...

— Кто же это вам такой подарок сделал? — спрашиваю.

— Как кто? — удивился студент. — Государство, разумеется! Написала наша дирекция в Министерство судостроительной промышленности СССР письмо: нельзя ли для учебных целей передать на баланс Сухумского педагогического института электронно-счетную машину? Обещал заместитель министра товарищ Чуйков помочь...

И, как оказалось, помог. В 1965 году машина «Урал-1» ценою в 111 728 руб. 89 коп. была со всеми своими кибернетическими потрохами передана Сухумскому педагогическому институту. Она и сейчас там. Целиком. Поржавела, правда, кое-где из-за протекания крыши на складе. Но все-таки частично стоит. Частично лежит, частично валяется. Учиться на ней студенты физмата так и не начинали. И не будут — говорят, это уже невозможно.

А по мне хоть и устаревшая, а все же машина. Так что соберусь да и напишу письмо в то же министерство. Так, мол, и так... Глядишь, и клюнет. Кто там станет разбираться, зачем она мне, эта техника!..

Так и напишу: бояться-де нечего — если с института никто не спросил за забугленную аппаратуру, то с меня и подавно спрашивать не станут.

Ясон ГЕРСАМИЯ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Сухуми.

Ученье — свет

Рисунок В. и Г. КАРАВАЕВЫХ

ЕЖЕЛИ БАБОНЬКИ ПОЗВОЛЯТ...

У подъезда старого кирпичного здания кипела потасовка. Вихрем взлетали березовые листья. Отряд женщин, вооруженных вениками, наседали на выстроившихся в каре мужчин.

— Сегодня наш день! — многогласно кричал слабый пол.

— В календарь загляните! — отпихивался вениками сильный пол.

— Ты на кого веник поднял?! — огрела краснощекая молодуха здорового детину.

Молодожены, которых обычно водой не разольешь, оказались по разные стороны баррикады. Под угрозой разводов мужья, бросая веники и

поднимая руки, переходили в неприятельский стан.

— Предатели! — ругали их холостяки и разведенные.

Сильный пол дрогнул и отступил. Женщины ворвались в баню.

Побежденные гурьбой повалили к директору.

— Помилосердствуйте, братцы! — выставив перед собой, как щит, шапку, умолял директор бани В. И. Гончаров. — У меня всего сто пятьдесят шаек на сто тысяч мичуринцев.

— Раньше, когда я еще в женихах ходил, помню, в городе шесть бань было, — вздохнул кражистый дед — Шухмина, Кожевникова, у речки...

— Скоро новая баня откроется, Ерофеич, — утешил его Василий Иванович. — Попаришь свои косточки.

— Куды там! Ее, почитай, три года строят, — махнул рукой Ерофеич. — А на дворе вон уже белые мухи летают.

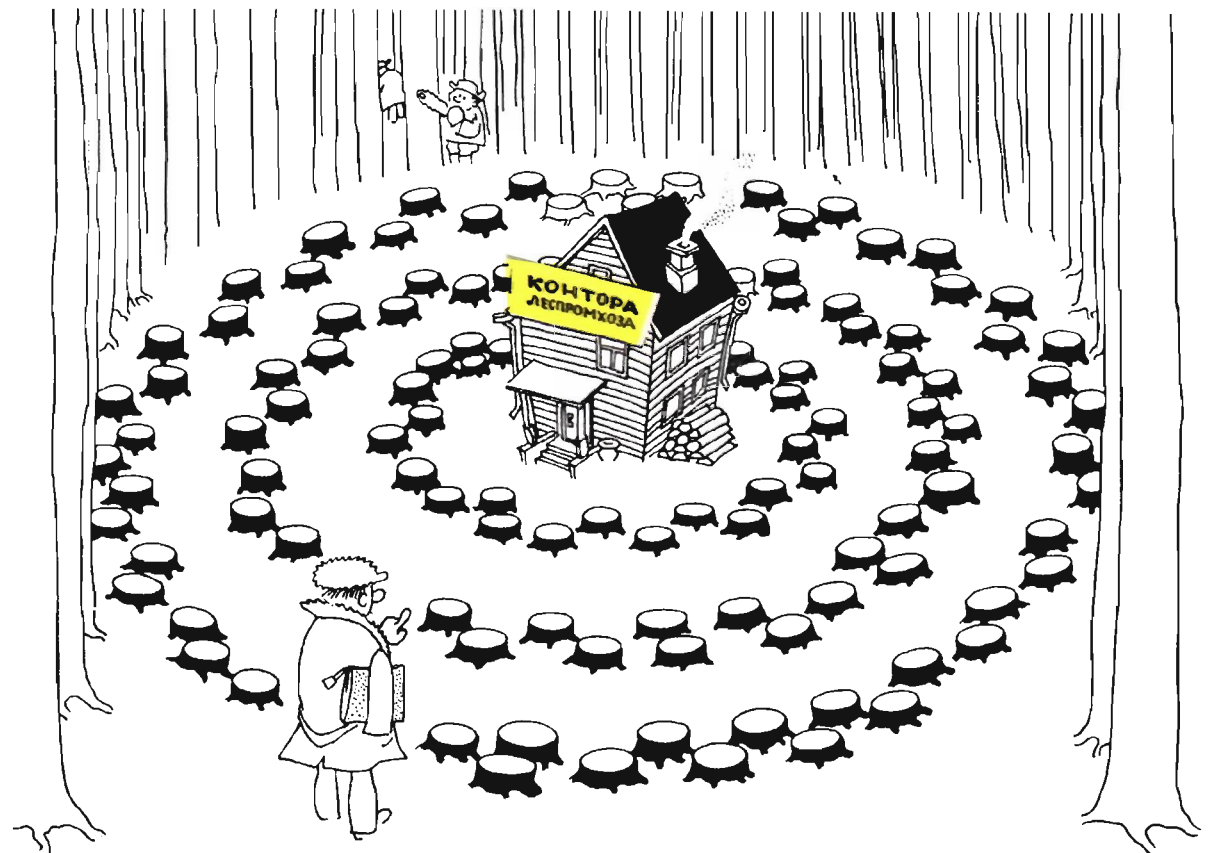
— Ты нам растолкуй, мил человек, что министр-то коммунального хозяйства РСФСР обещал, когда приезжал в наш Мичуринск?

— Понятно, что, — пожал плечами директор. — Сергей Михайлович Бутусов грозил к Новому году приехать попариться в новой бане. Вот и придется ему, если приедет, идти париться к нам.

— Ежели ему наши бабоньки позволят, — ухмыльнулся Ерофеич. — В чем крайне сумлеваюсь.

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Мичуринск.

— Судя по годовым кольцам, леспромхозу уже три года.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Миле
СТАНКОВИЧ

МО-
ЛИТ-
ВА

Радиоприемник что-то тихо напевает, деловито жужжит пылесос, а бабушка неторопливо и тщательно водит щеткой по тахте и бормочет себе под нос:

— И прошу тебя, боже, не оставь милостью своею наш холодильник, приемник, пылесос и особенно телевизор с его капризным кинескопом, ибо, когда эта электротехника начинает выходить из строя и приходится вызывать мастеров для ремонта и высчитывать сроки этих чертовых гарантий, жизнь на земле становится сущим адом.

Знаю, господи, что тебе, как и моим домочадцам, которые мечутся между всякими собраниями, заседаниями и совещаниями, приходится быть вездесущим. А раз ты вездесущий, верю, что простишь мне, старой прешнице, когда вместо лампадки зажигаю я зеленый глазок приемника, а вместо восковой свечечки держу сейчас в руках шланг пылесоса. И прости, что не часто вырываюсь в храм божий поклониться святым иконам... И, кстати, раз уж зашел

разговор про живопись, повлижай, господи, на закупочную комиссию, чтобы приобрела она картины у моего внука художника Мити, тем более что борodka у него модная, прямо как у угодника. И еще ниспошли мне, господи, простой бандеролью церковный календарь, чтобы, как и прежде, соблюдала я посты рождественские и предпасхальные, по средам и пятницам, а то с этими моими безбожниками, пошли им, господи, счастья в личной жизни и успехов в работе, потеряла я свой старый церковный календарь... А ведь и в газетах даже пишут, что переиздание ведет к инфаркту миокарда, гипертонии и разным коронарным болезням. Поэтому молю тебя, господи, спаси нас от тромбозов, склерозов, а паче от всяких анализов.

Прости меня, рабу свою, господи, что возношу тебе такую длинную молитву... Но раз уж зашла речь о вознесении, позаботься, пожалуйста, о всех наших реактивных лайнерах, потому что в одном из них мой сын Лазарь летит сей-

час на международный симпозиум по борьбе с религиозным мистицизмом. А попутно присмотри, чтобы внук Митя хорошенько держал руль отцовского «фиата» и чтобы не отвлекала его от дорожных знаков эта голоногая безбожница, которую я постоянно вижу рядом с ним на переднем сиденье.

Занеси в свой блокнот, господи, ты, который за шесть дней выполнил задания на неделю, пусть получше будут выполнены планы и чтобы дети наконец стали получать зарплату по способностям, а премиальные — по потребностям. И ниспошли милость свою, господи, на наши телевизионные студии, чтоб делали передачи поинтереснее, да пусть вечерние передачи кончают пораньше, а то и у детей и у меня страдает вегетативная нервная система от недосыпания.

Ну, хватит, господи, пора отдохнуть, газету почитать. Так что аминь!

Перевел с сербскохорватского
Г. Маркович.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

В борцовском зале Зимнего стадиона манеж освещен четырьмя блоками люминесцентных ламп. На брезентовых коврах топчутся финалисты городского первенства по классической борьбе.

За центральным столиком возвышается главный судья соревнований Лев Епифанов.

Судья-информатор взял микрофон и произнес:

— В синем углу — Аркадий Дысин, в красном углу — Николай Гарбузенко.

Борцы пожали друг другу руки и начали возиться.

Оба они весили больше ста килограммов, обоим было за тридцать, оба ходили с трудом, а борьбу уже давно считали ненужной мухой. Но каждый раз тренеры уговаривали их поддерживать команду...

Борцы давили друг друга круглыми плечами, хлопали

Сергей ДОВЛАТОВ

по шее, охали и отдыхали, сомкнув животы.

— Спортсменам делается предупреждение за пассивность, — объявил судья-информатор.

Однако Дысин и Гарбузенко не обратили на это внимания и стали бороться еще деликатнее.

— Синий не борется! — кричали зрители. — И красный не борется!

Но Дысин и Гарбузенко даже не смотрели в их сторону. Борьбу они ненавидели, а зрителей презирали.

Вдруг что-то произошло.

Ощущение было такое, как будто на вокзале остановились часы. Зрители и секунданты начали тревожно озираться. Дысин и Гар-

ПОБЕДИТЕЛИ

бузенко замерли, облокотившись друг на друга.

Главный судья Лев Епифанов крепко спал, положив голову на кипу судебных протоколов.

Прошло двадцать минут. Никто не решался побеспокоить главного судью. Секунданты и боковые судьи пошли в буфет пить пиво. Зрители занялись своими делами, штопали носки, пели вполголоса туристские песни, потом постепенно начали расходиться.

— Пора завязывать, старик, — сказал Гарбузенко своему партнеру.

— Давно пора.

— Знаешь, о чем я мечтаю, Аркадий? Я мечтаю приобрести диван-кровать и целый день на нем лежать.

— Это как стихи, — сказал Дысин.

— Стихи я тоже уважаю, — сказал Гарбузенко.

— Эх, Коля! — печально молвил Дысин и вздохнул. От этого шума проснулся Лев Епифанов.

— Кто победил? — вяло спросил он.

— Да какая разница? — сказал Гарбузенко. Потом сел на краешек ковра и закурил.

— Ну вот еще, — забеспокоился Епифанов, — а что корреспондентам скажу?

— Аркашка победил, — сказал Гарбузенко, — он красивый, пусть его фотографируют.

— Ты тоже симпатичный, — сказал Аркадий, — ты смуглый.

— В общем, ты судья, ты и решаешь, — произнес Гарбузенко, обращаясь к главному судье.

— Какой там судья! — махнул рукой Епифанов. — Бог вам судья, ребята.

— Идея! — воскликнул Дысин. Он попросил у Епифанова пятак и подкинул в воздух.

— Орел, — сказал Николай Гарбузенко.

— Решка, — поразмыслив, сказал Аркадий Дысин.

Монета опустилась на ковер.

— Победил Аркадий Дысин! — воскликнул главный судья Лев Епифанов.

Все трое, обнявшись, вышли из зала.

Через минуту из-за угла, покачиваясь, выехал трамвай. Друзья поднялись в вагон. Трое юношей, по виду студенты, уступили им места.

г. Ленинград.

Арк. АРКАНОВ

БЕСКОНЕЧНО ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В тот самый незабываемый понедельник Зябкин все решил окончательно.

Хватит выслушивать постоянные грубости со стороны начальника отдела!

Хватит делать вид, будто не замечаешь, как начальник отдела постоянно нарушает трудовую дисциплину, опаздывая на работу, появляясь в своем кабинете в нетрезвом виде!

Довольно попустительствовать тому, что жена начальника отдела использует служебную машину начальника отдела в служебное время в неслужебных целях!

Наконец, он, Зябкин, не мальчик на побегушках, чтобы лететь в обеденный перерыв на угол и притаскивать начальнику отдела мороженое в виде трубочки.

Надоело, черт побери! Надоело! Разоблачить! Разоблачить твердо, принципиально, не взирая на лицо начальника отдела!

«Прежде всего, — думал Зябкин, трясясь в автобусе по дороге на работу, — надо оперировать только фактами... Но не голыми фактами. Нет. Это неинтересно, а кроме того, грубо... Не говоря уже о том, что это просто

опасно. Начальник отдела может заявить во всеуслышание, что за все услуги, которые оказывал ему Зябкин, он, начальник отдела, дважды отпуская Зябкина на пятнадцать минут раньше с работы и один раз в служебное время купался вместе с ним в плавательном бассейне... Да-а. Тут голыми фактами не возьмешь...».

Зябкин ехал, думал и придумал... Он насчитал тридцать пять неблагоприятных поступков начальника отдела и решил вложить весь свой гнев, всю беспощадную принципиальность в это число.

Тридцать пять! Он сразу поймет, что я хочу ему сказать!.. Тридцать пять! Он поймет, с кем имеет дело!.. Тридцать пять! Знайте, что все ваши деяния у меня на ладони, начальник отдела!.. Тридцать пять! Я вам не мальчик, начальник отдела!.. Тридцать пять! Не на того нарвались, начальник отдела!.. Тридцать пять!..

В тот же понедельник, часов около одиннадцати, начальник отдела вызвал к себе Зябкина. Таким образом, все складывалось как нельзя лучше.

«Сейчас вы увидите! — сказал Зябкин мысленно сослуживцам. — Сейчас я ему покажу!» Зябкин вошел в кабинет начальника отдела с гордо поднятой головой.

— Скажите, Зябкин, — твердо произнес начальник отдела, — сколько минут понадобится вам на то, чтобы съездить в зоомагазин? Там для меня оставлены свежие червяки к завтрашней рыбалке.

Зябкин набрал воздуха в легкие, метнул в начальника отдела дерзкий взгляд и крикнул смело:

— Тридцать пять!

— Прекрасно, — сказал начальник отдела. — Через тридцать пять минут я жду вас с червями.

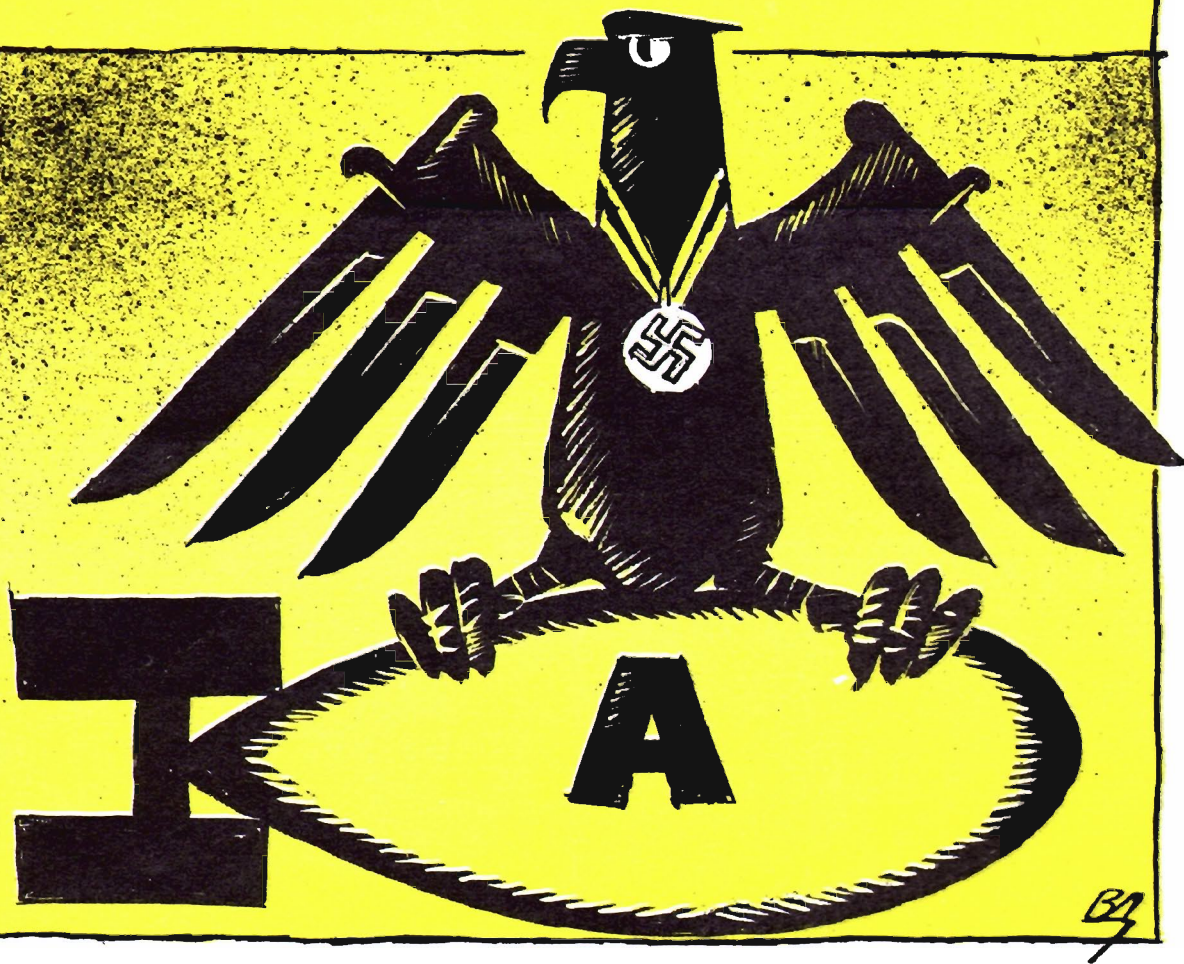
Счастливым Зябкин бежал за червями, повторяя то и дело:

— Пусть знает теперь начальник отдела, что я о нем думаю!

НАТО

НАТО

НАТО

Кто таков он, «черный адлер»,
Люди не забыли...
Снова под крылом у НАТО
Расправляет крылья.

Жаждет, сил набравшись в НАТО,
Вкрадчиво, без помпы,
Под свое крыло упрятать
Атомную бомбу.

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

АГЕНТСТВО
ТАК
А
АГЕНТСТВО
ТЕЛЕГРАФНОЕ
КРОКОДИЛА

ВАШИНГТОН. Американский сенатор Янг получил письмо от одного из своих избирателей в штате Огайо:

«Можете ли вы, мистер сенатор, разъяснить мне следующие факты? Недавно я пожелал получить разрешение на ужение рыбы. Я обратился в соответствующее учреждение, где за 4,35 доллара мне выдали требуемое разрешение. Но предварительно меня обязали заполнить анкетный бланк, содержащий следующие вопросы: «Имя и фамилия, дата рождения, имена родителей, с какого времени проживаю в штате Огайо, с какого времени живу в США, профессия, цвет волос и глаз, рост, особые приметы».

Заполнив разрешение и вооружившись удочкой, я поймал несколько малых рыбешек в отравленном химикалиями озере.

Через несколько дней я решил купить револьвер. Продавец в магазине получил деньги, вручил оружие и сказал «благодарю». Вся покупка заняла у меня три минуты. Является ли удочка более грозным оружием, чем револьвер, мистер сенатор?»

Мы не знаем, что ответил сенатор. Возможно, он выхватил из ящика письменного стола свой револьвер и изрешетил письмо дорогого избирателя. Так или иначе, но на удочку какого-то не в меру дотошного правдоискателя он, конечно, не попался.

БОНН. Электронно-вычислительную машину в качестве автоматического судьи хочет применить в Федеративной республике кельнский профессор уголовного права Клуге. Но такая машина-судья в боннском государстве не имеет будущего: ведь у нее нет нацистского прошлого.

ЛОНДОН. «Если вы нервный и раздражительный, то заведите кошку», — советует британская организация кошатников. — Собака имеет тенденцию повышать вашу нервозность. Кошка же, несомненно, может сыграть важную роль в качестве фактора, успокаивающего нервы». А мистер Чарльз Бинни, секретарь собачьего клуба Великобритании, другого мнения: «Кошки — создания в высшей степени эгоистичные. И если вы нервный, то я бы порекомендовал вам взять лучше не кошку и не собаку, а отпуск».

Однако девальвация фунта лишает многих англичан возможности насладиться отпуском, и поэтому им все-таки остается лишь выбор между ношей и собакой.

САЙГОН. Американское войнство приступило ко второй фазе отработки «Операции Клоп». В первоначальном своем виде эта операция провалилась, так как клопы, помещенные в специальные ящики с микрофонами, малость оплошали. Эти насекомые, как выяснилось, почуяв любимое лакомство, то бишь человека, издают радостные выкрики, которые можно усилить радиоаппаратурой. Патрулям выдали такие ящички и снабдили рациями. Но мыслители из Пентагона не учли, что клопы не разбираются в политике. Кровожадные насекомые начинали радостно шуметь, почуяв запах самих американских патрульных, несших ящички.

Больше года думали над усовершенствованием «Операции Клоп», и теперь предложен новый вариант. Ящички с клопами и звукоусилителями помещают на деревьях в нескольких десятках метров впереди расположения американских войск. Укрепив ящички, патрули должны удалиться и, настроив свои приемники, ждать сигналов от коллег-клопов. Последнее по идее начнут неминуемо издавать голодные илчки при приближении партизан.

Наконец-то американские генералы получили достойных боевых соратников!

НЬЮ-ЙОРК. Гарри Ли Висслинг из города Анамаоса, отбывающий в местной тюрьме двадцатилетний срок заключения, попросил перевести его в тюрьму Форт Медиссон. Мотивировка просьбы такова: «С Форт Медиссон меня связывают семейные чувства. Хочу отбывать срок наказания там, где когда-то отсидел свой пятнадцатилетний срок заключения мой отец».

ИСПОВЕДЬ ИМЕНИННИКА

Разрешите, сэр, я и вам плесну капельку виски. Как-никак у меня сегодня юбилей — 15 лет работаю в ЮСИА, американском информационном агентстве. Со дня основания...

Слышите, там, в зале, фанфары и аплодисменты — это шеф отчитывается на торжественном собрании. Естественно, он врет и приукрашивает, иначе конгресс не даст нам ни цента. А я уж здесь, внизу, в баре посижу — хватит того, что я производжу и выслушиваю ложь в рабочее время, по долгу службы.

Извините, что я несколько шепелявлю. По причине травмированного языка. Во, поглядите. А-э-э-э. Видите, весь синий и в рубцах. Это я его прикусываю время от времени. А что делать, если я работаю в ЮСИА! Издержки производства. По этому поводу один наш бывший заместитель директора — Томас Соренсен — очень тонко подметил в своей книжке «Война слов — история американской пропаганды»: каждая новая вспышка расовых волнений в США, каждый новый успех Советского Союза, каждый новый провал Вашингтона на международной арене «заставляли представителей агентства и его официальный рупор — радиостанцию «Голос Америки» — прикусить язык».

Началось это в 53-м. Помнится, конгресс положил нам тогда оклад почти что сто миллионов долларов в год. Ну, деньги надо отработать. Прибегаю я к Теодору Стрейберту, тогдашнему директору ЮСИА, с предложением:

— Давайте откроем за границей 200 пропагандистских центров под видом библиотек. В 90 странах. А?

— Отлично, мой дорогой, действуйте. Наша задача — накачивать в чужие мозги наши американские идеи.

Открыл я эти центры. Радость стекольников была неопишечной. Они получили постоянную работу. Каждая антиамериканская демонстрация, а их были сотни, кончалась булыжным залпом в окна наших библиотек.

Я иду к директору и говорю:

— Мистер Теодор Стрейберт, у меня есть новое предложение.

Он отвечает:

— Я вам не Теодор, а Артур, и не Стрейберт, а вовсе Ларсен. Стрейберт провалился. Но идеи мне нужны позарез. Выкладывайте.

— Ну хорошо, Ларсен так Ларсен. Давайте для подогрева любви к Штатам будем издавать за ру-

бежом 80 газет и журналов, в том числе журнал «Америка» на русском языке. А?

— Гениально, родной мой! Дайте я вас поцелую. Я повышаю вам оклад. Мне удалось выдрать у конгресса 120 миллионов в год на нашу контору. Так что не скупитесь на расходы.

Я основал 80 газет и журналов. Вдобавок мои молотки стали рассылать во все углы земного шара 2 миллиона книжочек и брошюрок в год на тему о том, как мы тут у себя дома пышно и ароматно процветаем.

Но читатели морщились, спрашивали: «Если у вас так хорошо, почему у вас так плохо? Почему у вас в Америке ночью нельзя носа высунуть на улицу? Почему ваш главный аргумент в политических спорах — винтовки с телескопическим прицелом? Почему войну с бедностью вы заменили войной с бедными? Почему у вас в Штатах столько живых мертвецов — наркоманов? Зачем вы залезли во Вьетнам? И вообще ваши дела говорят громче, чем ваши слова».

Я прикусил язык и замычал от боли. Я понял, что печатным словом этих скептиков не прошибешь. Необходимо какое-то дополнительное средство промывания мозгов. И у меня родилась идея, с которой я на рысках направился к шефу.

— Есть предложение, мистер Ларсен!

— Аллен, вы хотите сказать, Джордж Аллен. Ларсен снят с поста директора, как не оправдавший надежд. Тем не менее выпаливайте вашу идею. Я весь — большое и страждущее ухо. За деньгами дело не станет — я выхлопотал 146 миллионов в год на нужды ЮСИА.

Я посмотрел в потолок, чтобы собраться с мыслями, и начал:

— Так вот, мистер Аллен, я считаю, что...

— Вы ошиблись, меня зовут мистер Мэрроу.

Я ошалело взглянул на директорское кресло. Другой! Значит, Аллена сменили, пока я рассматривал потолок в кабинете. Вот это оперативность!

— Аллен не справился с работой, — сухо пояснил Мэрроу. — Он не обеспечил нам симпатий человечества. Так что у вас?

— Я предлагаю расширить радиослужбу. Пусть «Голос» вещает на 38 языках 850 часов в неделю, причем по крайней мере четвертую часть всех передач надо вести на языках Восточной Европы.

— Бесподобно! Конечно, я — за. Только учтите, что в 67-м году у Советов — пятидесятилетие. Попы-

тайтесь омрачить им праздник. «Мы должны вести войну идей в лагере врага. Добраться до русских намного важнее, чем добраться до Луны». Знаете, кто это сказал? Помощник госсекретаря Бентон, и старик был дьявольски прав. Ну и, разумеется, постарайтесь вдолбить миру, особенно слабообразным, что завидовать России нечего. Наймите самых продажных комментаторов. И не тряситесь над каждым центом. Конгресс отвалил нам на нужды очередающей русской революции 170 миллионов. С богом!

И «Голос» взревел, залопотал, заверещал на 40 языках, поливая коммунизм жидкой радиогрязью...

Естественно, мы не забывали эфир только одной политикой. Пропаганду надо разжигать, разбавлять ее разной неполитической бытовщиной, иначе слушателей стошнит через три минуты. Мы стали передавать на русском языке уроки английского языка, разъяснять смысл отдельных заковыристых английских выражений. Например, недавно наша дикторша сказала русским слушателям: «Понятен ли вам фигуральный смысл американской фразы: «Я знаю твой номер телефона»? В переносном смысле это выражение означает «узнать подноготную». Иначе говоря, «я тебя, голубчик, хорошо знаю, я тебя раскусил».

И что же вы думаете, приезжаю я вскоре в Россию под видом туриста и начинаю шляться по ресторанам и паркам, чтобы в беседе с русскими выяснить, как они относятся к передачам «Голоса». И первый же собеседник, узнав, что я из ЮСИА, говорит: «А-а, я ваш телефонный номер знаю. Наквозит вас, мошенников, вижу. Мы вас, голубчиков, раскусили». Я прикусил язык с такой силой, что меня отвезли на «Скорой» в ближайший московский госпиталь.

В Вашингтон я вернулся в полном отчаянии. Плещусь к шефу. Правда, во избежание конфуза заранее узнал, кто у нас новый шеф. Оказалось, действительно прежнего сменили и на троне восседает мистер Роуэн. Подхожу к дверям директорского кабинета и сталкиваюсь носом к носу с каким-то унылым субъектом, выходящим от шефа.

— Вы не знаете, — спрашиваю, — мистер Роуэн свободен?

— Как ветер, — отвечает мне унылый джентльмен. — Меня только что освободили, как несправившегося.

— Значит, вы и есть мистер Роуэн? А кто же нами теперь правит?

— Маркс.

— Карл?! — В глазах у меня потемнело, и я упал в обморок на пушистый нейлоновый ковер.

Отставной директор прыснул мне в физиономию струей содовой из сифона и успокоил меня:

— Леонард Маркс. Однофамилец, но отнюдь не сторонник.

Я встал, утер физиономию, проскользнул в кабинет к мистеру Марксу и изложил ему новехонькую идею:

— Поскольку «Голос» недостаточно плотно забивает мозги слушателям, нам нужно срочно наладить выпуск телевизионных программ для распространения по всему свету. Предлагаю готовить в год 1700 программ на 62 языках и рассылать их в 90 стран. Телепередача — это наглядно и убедительно, не то что радио...

— Не возражаю, мой ангел, не возражаю. Но сейчас главное — мосты. Наводите идеологические мосты между Западом и Востоком. Проникайте, смягчайте, разлагайте и отрывайте. Вам ясно? Мы должны выжать максимальный пропагандистский эффект из чехословацких событий. Нам для этой цели выделено 186 миллионов долларов. Действуйте.

И я пошел действовать.

Ну, что было дальше, вы знаете. Наш мост рухнул. Чехословакия осталась в социалистической системе. Москва и Прага подписали договор, а я прикусил себе язык с такой силой, что чуть не отправился к праотцам от потери крови. Язык до сих пор кровоточит. Вот взгляните на свежий рубец — а-э-э-э... Видели?

Ну, конечно, Леонарда Маркса поперли, а бюджет ЮСИА, как водится, увеличили. Но мне-то от этого не легче. Приходится дезинфицировать мой бедный язык в стакане с виски. Вам подлить?

Посади янки за стол.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Исповедь записал И. ЛОРИН

БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ...

КРОКОДИЛЬСКИЕ

ГРАМПЛАСТИНКИ

Галантерейный магазин. Стройная, изящная продавщица, повернувшись спиной к прилавку, увлеченно рассказывает другой продавщице:

— ...Я, конечно, делаю вид, что не обращаю на него никакого внимания. А он, не отрываясь, смотрит на меня, а глаза у него совсем, совсем карие...

Стоящий у прилавка покупатель проявляет в ожидании стоическое терпение и наконец, воспользовавшись паузой в рассказе продавщицы, произносит:

— Будьте любезны, мне, пожалуйста, носки.

Продавщица, не оборачиваясь к покупателю, поправляет прическу и наклоняется к другой продавщице, чтобы поведать ей самое сокровенное:

— И тут он мне сказал: «Вам очень идет это платье и эта прическа». А я ему спокойно-спокойно, выдержанно-выдержанно отвечаю: «Да, вы находите?..»

— Будьте любезны, — снова просит покупатель, — мне носки. Черные.

Изящная продавщица увлеченно продолжает свой рассказ:

— ...А он так искренне, восторженно воскликнул: «О да! Да! Очень идет!» А я...

— Будьте любезны, — теперь уже умоляюще говорит покупатель.

Не глядя на него, продавщица спрашивает:

— Вам чего?

— Мне нужны носки. Черные, — отвечает покупатель.

— Носки. Черные, — сумрачно повторяет продавщица, но затем она просветленно улыбается и восторженно говорит подруге:

— Понимаешь, Аллочка, он такой, такой симпатичный, и скромный, и воспитанный... и он застенчиво-застенчиво меня спросил: «Когда мы увидимся?» А я так вот, прищурив глаза, посмотрела на него и...

— Будьте любезны, — снова говорит покупатель.

— Чего вам? — сердито спрашивает продавщица.

— Мне, пожалуйста, носки. Черные. Под цвет костюма.

— Какой размер?

— Ботинки я ношу размер третьего размера...

— Вы что, не видите, что таких размеров нет?! Сколько можно говорить! И чего пристал!

Продавщица повернулась, вскинула на покупателя налитые гневом красивые глаза и обомлела.

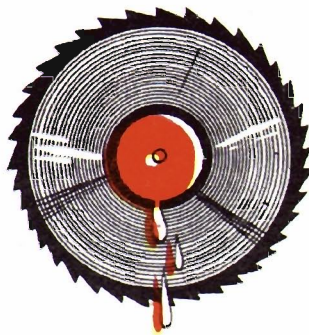
— Это... вы... Это вы?! — наконец произнесла она.

Покупатель грустно улыбнулся и печально ответил:

— Да. Это был я... Прощайте...

Он поклонился и медленно вышел из магазина.

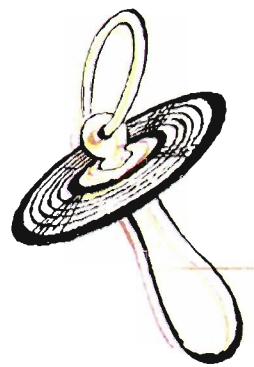
А. ЧИКАРЬКОВ

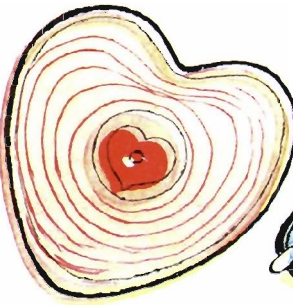
СТРАДАНИЯ

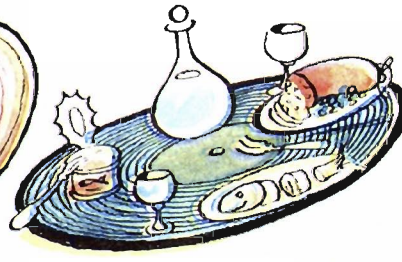
КЛАССИЧЕСКИЙ ВОКАЛ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

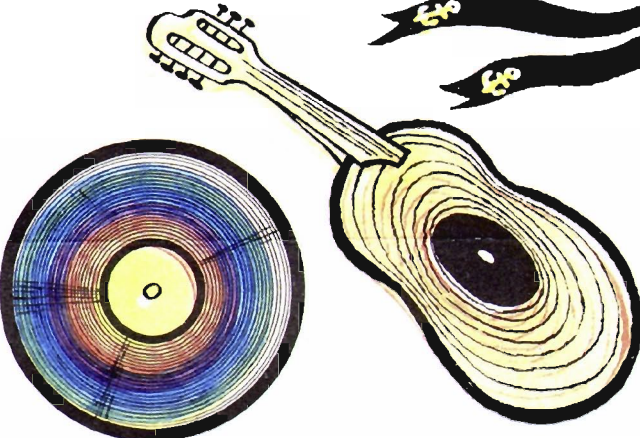
ЛИРИЧЕСКАЯ

ЗАСТОЛЬНАЯ

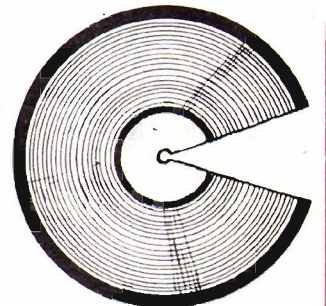

МОРСКАЯ

ПОПУРРИ

СТАРИННЫЙ РОМАНС

НЕОКОНЧЕННАЯ СИМФОНΙΑ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Нет лишнего билетика? Билетика нет? Билетика...

Как приятно с билетом в нармане идти под завистливыми взглядами театралов-неудачников!..

Усаживаюсь в середине первого ряда партера. В зале постепенно темнеет. (Нет ничего блаженней этих минут!)

Отзвучала увертюра. Занавес полз вверх. И взгляду зрителей предстал дом старушки Лариной. Сама старушка сидела у дома и вместе с нянькой варила варенье, консервировала фрукты и протирала с сахаром черную смородину.

В этот момент рядом со мной уселся молодой человек баскетбольного роста с пловцовскими плечиками. На его борцовской шее висело три фотоаппарата, которые он незамедлительно начал готовить к работе. Что-то крутил. Чем-то щелкал. Словом, возился, гремя аппаратурой, мешая слушать музыку своим соседям. Дирижер укоризненно погрозил ему пальцем. Ударник, не поняв этого жеста, бухнул в турецкий барабан. Старушка Ларина выронила ложку и опрокинула бутафорское варенье, а нянька, выразительно пощелкав пальцем по шее, дала хозяйке понять, что ударник пьян.

После этого молодой человек затих на некоторое время. Когда зал, сцена и оркестр успокоились, он встал и нацелился одним из аппаратов на старушку Ларину.

— Хр-р-р-я! — раздалось из аппарата.

ЗА ШИРОКОЙ СПИНОЙ

Старушка опасливо покосилась на молодого человека.

Меняя точку съемки, он сделал шаг влево. Свою футболистскую ножницу он поставил на мою неспортивную ногу. От страшной боли я вскрикнул, отчего все на сцене повернулись в мою сторону, а не в сторону вошедших Онегина и Ленского.

Я снял ботинок и ощупал отдаленную ногу. Кости как будто бы были целы. Весь антракт я сидел на своем месте и приводил в порядок нервную систему. Опасный сосед исчез.

Вернулся он, когда занавес уже был поднят, и сразу: хряп! Потом переменял позицию и снова: хряп!

Он ходил взад и вперед между зрителями и сценой, заслоняя проходящее на подмостках. И все время одним аппаратом «хряпал», другим «хрупал», будто откусывал вафлю, а третьим шипел, словно гремучая во сто жал змея.

Когда Татьяна завела разговор с любимой няней о любви, была ночь. Молодого человека это не смущало, и он переключился на фотоаппарат, оборудованный вспышкой.

Теперь он нахально светил в глаза то няне, то Татьяне, и они пели, крепко зажмурившись.

Наконец, на сцене рассвело. Вот уже Онегин прочел письмо, написанное Татьяной. Он приехал к ней, чтобы открыть ей глаза. Помните: «Вы мне писали, не отпирайтесь...» и т. д. Короче говоря, я не видел и не слышал этой сцены.

Сосед, стремясь не прозевать красивый кадр, вскопчил... и тут что-то со звоном полетело на пол.

— Бленда упала! — буркнул он и, опустившись на четвереньки, пополз, наступая боксерскими ручищами на ноги зрителей.

Молодой человек ползал туда и сюда, шаря по полу, но так ничего и не нашел.

Некоторое время он сидел на месте, не вскакивал и не «хряпал» аппаратами, а только вздыхал и ругался в треть голос. Переживал.

Зрители были довольны. Правда, когда Онегин и Ленский начали ссориться, молодой человек заметался.

— Хруп! Х-р-р! — заработал он, заслоня широким спиной сцену. Дуэль молодой человек почти не

снял. Все бы кончилось благополучно для Онегина и зрителей, если бы в момент, когда по команде секундантов противники стали сходить, не случилось аварии с одним из аппаратов. Видимо, по причине замыкания лампочки на мгновение вспыхнула и с громким треском лопнула. Ленский рухнул, как предкошенный.

Онегин быстро вскинул пистолет и выстрелил в фотокорреспондента настоящим зарядом. Молодой человек всплеснул руками, под смех зрителей и секундантов плюхнулся мне на колени.

Когда Онегин вернулся из круиза вокруг Европы и, как Чацкий, попал с корабля на бал, молодому человеку пришлось побегать. Народищу на балу было видимо-невидимо, и всех ему надо снять. То там — хруп! То там...

Увлечшись, он громко крикнул испанскому послу:

— Отойди, старик, из-за тебя, кроме малинового берета, ничего не видно!

* * *

Единственное, что меня утешило после этого кошмарного спектакля, — это журнал «Винты и шурупы», который я случайно прочел в парикмахерской через полгода. В этом журнале был напечатан снимок одной из сцен оперы, и я увидел хоть что-то из того, что мне заслонила широкая спина фотокорреспондента.

Е. ГУРОВ

ПРОСТО АНЕКДОТ

Дедушка спит в кресле, громко посвистывая носом. Внук вертит пуговицы на его пиджаке.
— Что ты делаешь? — спрашивает бабушка.
— Хочу поймать другую станцию.

В кондитерском магазине покупатель протягивает чек:
— Пять склерозов, пожалуйста, с заварным кремом.
— Таких пирожных нет, гражданин.
— Но я же вчера у вас покупал три склероза по двадцать две копейки.
— А я повторяю, таких пирожных нет. Помните правильное название.
— Помните, помните... С моим энлером разве что-нибудь вспомнишь!

Врач:
— Вам предписано потеплее укрыться и лежать, а вы целый день ходите по магазинам.
Пациент:
— Ищу одеяло.

Обозленный клиент подзывает официанта:
— Почему так долго не несете шашлык?
Официант прикладывает платок к глазам:
— Барана жалко.

Профессор математики:
— Да, друзья мои, в человеческой жизни бывают поразительные совпадения... Если я, например, умножу дату своего рождения на номер моего телефона, а от произведения отниму возраст своей тещи, то в остатке получится номер моего дома.

— Принесите мне порцию орфографических ошибок.
— Извините, сэр, но у нас в ресторане нет ничего подобного.
— А почему же тогда их столько в меню?

Муж обращается к жене:
— Настал час, когда мы должны объяснить нашему сыну тайну деторождения. Сначала мы объясним ему, как размножаются птицы.
— Мне не хотелось бы начинать с птиц, — говорит мама.
— Хорошо, мы начнем с того, как размножаются пчелы.
— Тоже нет.
— Тогда, может быть, начнем с цветов?
— Хорошая мысль, но, чтобы не испортить нашего Алика, лучше начать с букажников цветов.

П Р И О Б Р Е Т А Й Т Е

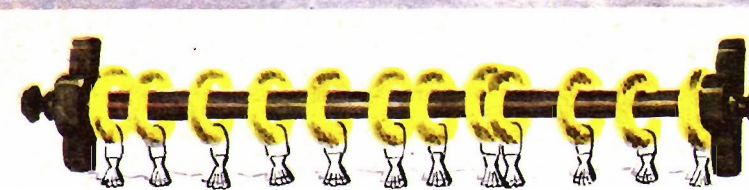
С А М О В А Р Ы

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

М О Я Р Е К Л А М А

Рисунок А. ГРУНИНА

П О К У П А Й Т Е

С У Ш К И

Александр РАСКИН

СЕРВИС

То было в дни последние апреля... Звонок разделся утром, очень робкий. Я дверь открыл и двух увидел женщин. Одна из них большой мешок держала. Другая речь держала небольшую: «Прошу вас, извините, бога ради, Мы из химчистки вашего района, Вы извините нас за беспокойство, Но если вещи есть у вас такие, Которые почистить вы хотите, Мы их возьмем, на месте все оформим, Почистим срочно, точно, аккуратно И вас попросим лишь зайти за ними. Простите, если мы вам помешали...» Она умолкла. И, сказав по правде, Я тоже слов не находил. Я думал, Что вот оно пришло, настало время Обслуживанья самой вышшей марки, Вот сервис, о котором мы мечтали И за который некогда боролся Редактор мой и шеф Петров Евгений. Мгновенно вся квартира оживилась: Кто кофту нес, кто брюки, кто пижаму, Потом пошли плащи, демисезоны, И лыжные костюмы, и купальник, А внучка по прозванию Анюта Поспешно куклу принесла и мячик... Все принимали женщины охотно, Зачем-то говорили нам: «Спасибо», Дуэтом повторяя: «Извините». Когда же свой мешок они набили, Связали все и деньги получили, Квитанции нам выдали на месте, Решили мы, что так и дальше будет: Для нас теперь химчистка

не проблема — Ведь сервис принял нас в свои объятия! И дружно мы судьбу благословили. Тут женщины сказали нам, прощаясь: «Еще раз просим, нас вы извините, Простите нас за это беспокойство, Но план у нас горит, вот мы и ходим И причиняем людям беспокойство». ...С тех пор прошло уж времени немало, Нам снова надобно почистить вещи. Химчистка нас теперь не навещает, И мы печально говорим друг другу: «Наверно, с планом все у них в порядке».

НАРОЧНО НЕ

Кинотеатр «Родина»

с 15 декабря демонстрирует новый художественный широкоэкранный фильм
«Золотой теленок»
по роману Ильфа и Петрова «Двадцать стульев», производство студии «Мосфильм».

(Газета «Северный рабочий».)

г. Северодвинск.

«Входной билет в баню для детей от 0,75 м до 1 метра — 13 коп., за двоих детей до 0,75 м — 13 коп.»

Прислал Б. БУБЕР.
г. Ступино.

«Под руководством опытного тренера Тамара Стаселько начала бегать от соревнований к соревнованиям все быстрее и быстрее».

(Газета «Физкультурник Белоруссии».)

О ДЕЛАХ ГАСТРОЛЬНЫХ

Ознакомившись с тем, как в минувшем году проходили гастрольные поездки ряда драматических и музыкальных театров страны, В. Сухаревиц изложил свои соображения в фельетоне-обзоре («Крокодил» № 31 за ноябрь 1968 г.). В фельетоне разбирались итоги гастролей Хмельницкого музыкально-драматического театра миниатюр в Оренбурге, а также Молдавского музыкально-драматического театра имени Пушкина и Ярославского академического театра имени Федора Волкова в Ленинграде.

По мнению начальника управления культуры Ленгорсовета А. Витоль, «Крокодил» правильно поставил вопрос о повышении ответственности театральных коллективов за гастрольные поездки. «Иногда театры, — пишет тов. Витоль, — не рассчитывают свои силы и приезжают с недостаточно оригинальным репертуаром или выступают на невысоком художественном уровне. Так случилось с Молдавским музыкально-драматическим театром имени Пушкина».

Значительно выше оценивая подготовку и гастрольям Ярославского театра имени Волкова, тов. Витоль вместе с тем отмечает, что «художественный стиль и манера постановки ряда спектаклей не встретили большого признания зрителей, а ленинградская пресса высказала по ряду спектаклей и серьезные замечания».

Написав в «Крокодил» и начальник Управления театров Министерства культуры РСФСР Б. Сорокин. Он тоже считает, что журнал «Крокодил» «правильно указал на определенные недостатки, которые, к сожалению, все еще имеют место в практике планирования и организации гастролей театров».

«Полностью разделяя многие правильно высказанные замечания о недостатках в гастрольной работе театров Российской Федерации, — пишет тов. Сорокин, — Управление театров примет все необходимые меры к их ликвидации».

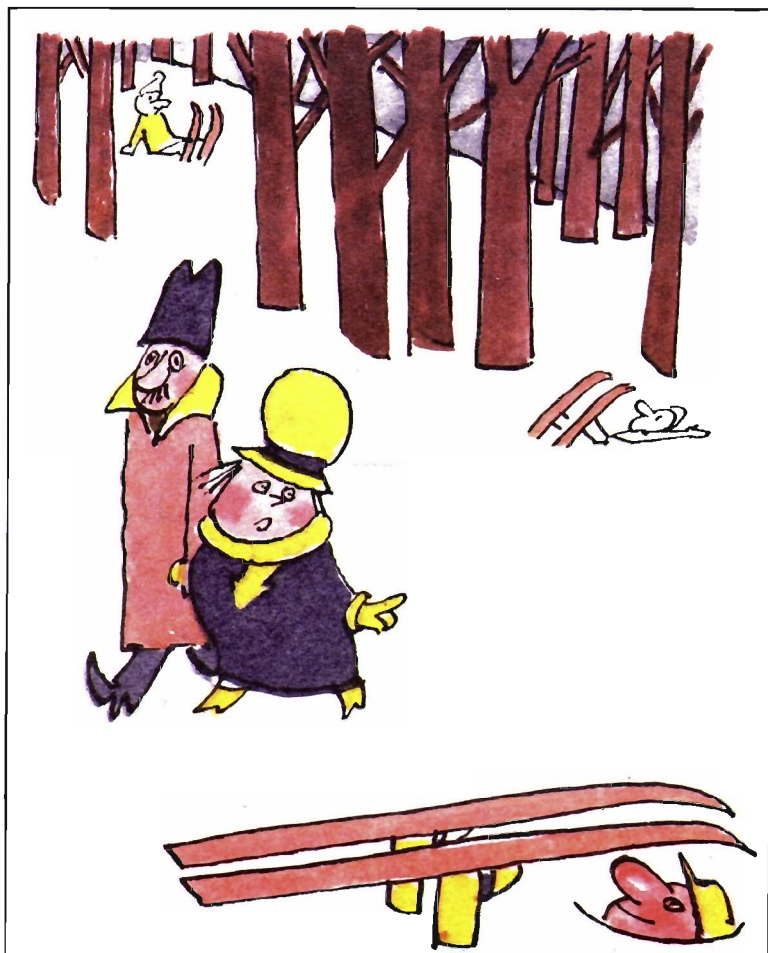
Признавая, что в Ярославском театре имени Волкова «есть свои творческие срывы, неудачные спектакли» и что гастроль его в Ленинграде «прошли не очень успешно», тов. Сорокин вместе с тем не соглашается с «тоном и формой подачи материала, которые позволил себе автор в разговоре о Ярославском драматическом театре», так как у этого театра, как и у его главного режиссера народного артиста СССР Ф. Е. Шишигина, есть свои заслуги.

Автор фельетона, конечно, ни в какой мере не желал перечерчивать эти заслуги. Однако, говоря о гастрольных спектаклях Ярославского театра — таких, например, как «Панфиловцы» и «Федор Волков», — он игнорировал положительные отзывы общественности и рецензентов ленинградских газет, сделав в фельетоне андегит только на их критических замечаниях.

Редакция «Крокодила» указала автору фельетона на несерьезный подход к оценке спектаклей Ярославского театра.

Дружеский шарж Вл. ГАЛЬБА

— Может быть, присядем на эту скамейку?

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

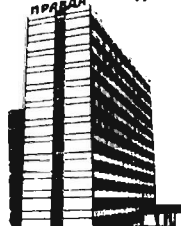

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жарников, С. Кузьмин, Н. Скрипников, В. Тильман, Ю. Федоров, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
(ответственный секретарь)

И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00005.
Подписано к печати 9/1 1969 г.
Формат бумаги 70×108¹/₂
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 100 000 экз.
(1-й завод: 1—4 339 350).
Изд. № 163.
Заказ № 28.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А. 47, ул. «Правды», 24.

ПРИДУМАЕШЬ

САКСКОМУ ГОРКОМХОЗУ
требуется на постоянную работу
смотритель кладбища.
Квартира предоставляется по месту работы.
АДМИНИСТРАЦИЯ.

(Газета «Красное Знамя»)
г. Сакс.

«Наличие 28 петухов на ПТФ, по существу, не влияет на диетичность яиц».

(Из акта.)

Прислал Е. ПОЛОЗОВ.

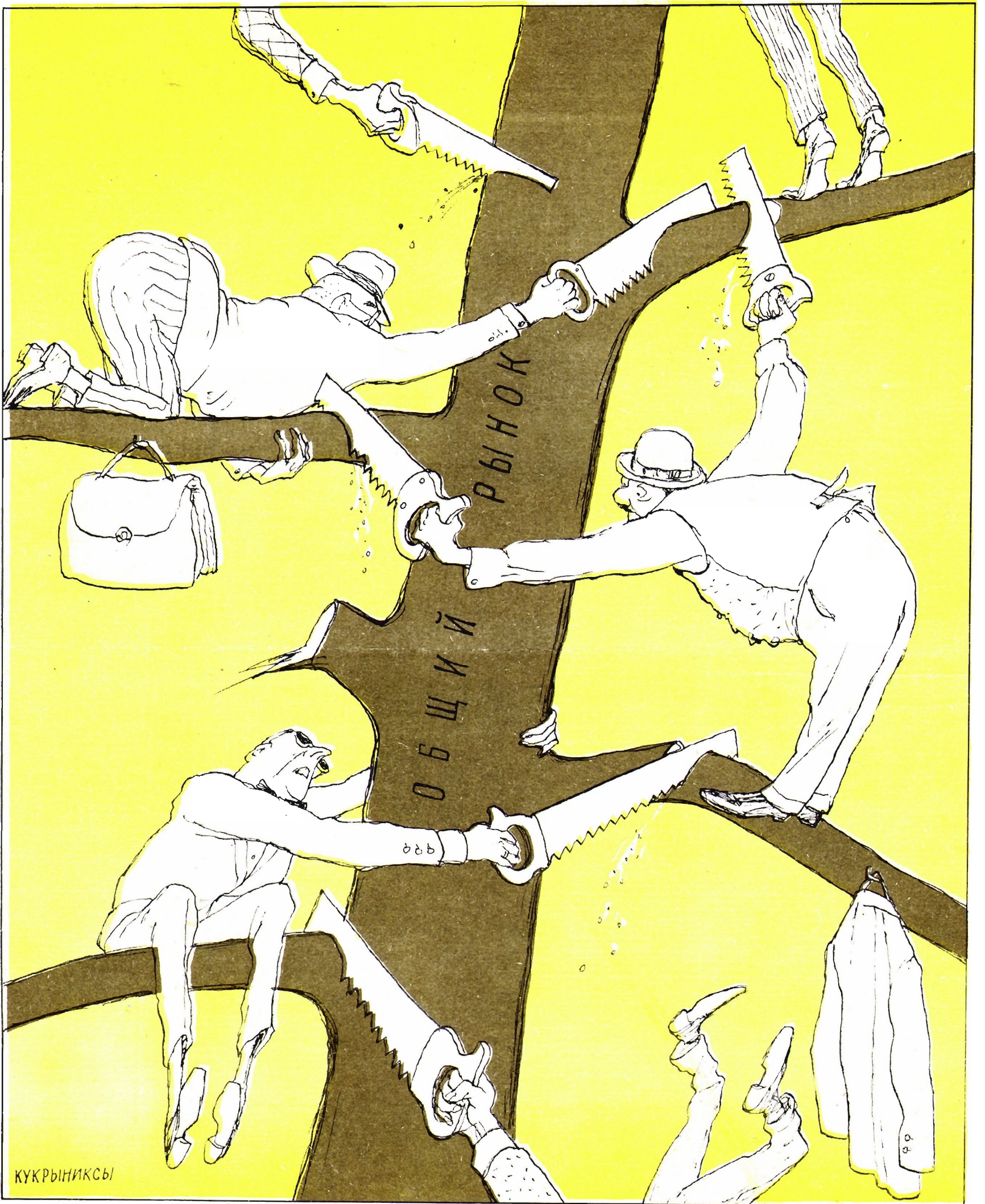
ст. Выселки,
Краснодарского края.

«Особо отличившихся рабочих администрация будет подвергать премиям».

(Из выступления.)

Записал А. ШИНДАРНИКОВ.

г. Славгород,
Алтайского края.

Общими усилиями